

НОВЫЕ РУССКИЕ
ЗВЕЗДЫ

Денис МАЦУЕВ:

И ГОЛ ЗАБИЛ, И КОНЦЕРТ СЫГРАЛ

26-летний пианист Денис Мацуев обладает богатырским ростом, статью, силой, кипучей энергией, каштановыми кудрями и морем обаяния. Он — **фантастический виртуоз, победитель XI конкурса Чайковского** и одновременно страстный футболист. Самозабвенно играет джаз, обожаем публикой всего мира. Фирма «Yamaha» выбрала его своим «лицом» после Святослава Рихтера.

Наталья КОЛЕСОВА

— Как вы ощущаете сибирское прошлое?

— Я обожаю Иркутск, приезжаю ежегодно с концертами. В 15 лет я приехал в Москву, так как меня заметила программа «Новые имена». Нашей встрече помогла судьба: я не мог участвовать в конкурсе, когда они устраивали прослушивание в Иркутске, так как у нас был очень ответственный футбольный матч двор на двор (я играл центр-форвардом). Никакие разговоры об интересе ко мне руководителей программы не помогали — я не мог подвести команду. Но, к счастью, я успел и гол забить, и в концерте сыграть.

В Москве поддержка программы «Новые имена» была неоценимой: мастер-классы, стипендии, поездки. Я сразу вошел в ритм. Закончил ЦМШ, поступил в консерваторию к Сергею Доренскому.

— Вы жили в Москве один или с семьей?

— Полгода прожил у родственников, потом родители бросили все в Иркутске и приехали ко мне. Они верили в меня всегда. Родители — и педагоги, и менеджеры, и администраторы, и импресарио, и домохозяйки. Я — единственный сын. Моя семья всегда и везде со мной.

— Вам важен окружающий быт — предметы, вещи, количество комнат, наличие машины?

— Меня это абсолютно не волнует. Долгое время мы жили скромно, только недавно переехали в центр Москвы. Машину я не водил и не буду, не хочу. Я — человек бешеный. У меня есть водитель, вот он меня и возит.

— Недавно вы подарили «Новым именам» новый рояль...

— Я сыграл благотворительный концерт в японском посольстве, и сборы пошли на его покупку. Ведь 9 лет, выступая с «Новыми именами», я прилагал большие усилия по его разрушению.

— А как насчет увлечений молодого поколения — компьютеры, дискотеки, модная одежда?

— Я — абсолютно нормальный человек, у меня куча друзей, я обожаю весело проводить время в шумной большой компании. Когда-то я следил за модой. Иссия Мияке подарил мне

фрак, такой же мятый, гофрированный, как и его платья. Но «от кутюр» — немножко не для меня. Шопена я не могу играть не во фраке. Рояль и фрак — идеальное сочетание. Компьютер еще не особо вошел в мою жизнь, не хватает времени. К современной музыке я отношусь с интересом. В рок-музыке люблю классиков 60-70-х годов: Rolling Stones, Pink Floyd. Мой большой друг — Эндрю Ллойд Уэббер, автор мюзиклов «Иисус Христос-суперзвезда», «Кошки» и «Призрак оперы». Я ездил к нему на фестиваль в 1995 и 1996 годах под Лондон. Он простой, душевный и очень богатый. Я был первым классическим пианистом, игравшим на его фестивале. На «бис» исполнил свои композиции на темы из его опер (я немножко импровизирую и очень увлекаюсь джазом). Кстати, он первым поздравил меня с победой в конкурсе Чайковского в 1998 году. До сих пор не понимаю, как это произошло. В час ночи по Москве объявили результаты, а в семь утра пришел факс: «Я был уверен в этом. Твой Эндрю».

Я ломал левую руку три раза, когда играл в хоккей, — один раз в запястье и дважды пальцы. После чего рука стала еще быстрее двигаться

— Как началось ваше увлечение джазом?

— Классика и джаз существуют во мне на равных. Классика — первая любовь, джаз — любовница. Я не выступаю в джазовых концертах, играю джаз на «бис». Мои кумиры — Оскар Питерсон и слепой пианист Арт Тейтум, обладавший невероятной техникой. У меня обнаружился импровизационный дар. Допускаю, что не все в Московской консерватории меня одобряют, но им и сравнить не с чем. Такого пока не было: лауреат первой премии конкурса Чайковского играет на «бис» свои джазовые композиции. Во время недавнего тура по Америке каждое из моих 45 выступлений заканчивалось джазом. Пресса признала, что такого еще не было. Джаз всегда со

мной, но это — не основное.

— Нет опасности, что ваше увлечение джазом перейдет на коммерческую основу?

— Нет. Тем более что я далеко еще не исчерпал репертуар классического пианиста. Но в будущем я хочу сделать какое-нибудь синтетичное шоу, где совместились бы классика и джаз. У меня есть предложения. И у Уэббера есть идеи. Почему нет? Я играл на стадионе, играл под открытым небом, а публика сидела на травке с гамбургерами и кока-колой. Кого-то после БЗК это ломает, меня — нет.

— Концерт отнимает много физических сил. Как восстанавливаетесь?

— Пока я не устаю. Обычно концерт продолжается около трех часов, играю по десять-двенадцать «бисов».

— А в футбол продолжаете играть? Не боитесь за руки?

— Сейчас играю редко — нет времени. К тому же мне все время внушают, как это опасно. Я ломал левую руку три раза, когда играл в хоккей, — один раз в запястье и дважды пальцы. После чего она стала еще быстрее двигаться. Правда, застрахованным музыкантам нельзя заниматься некоторыми видами спорта — волейболом, горными лыжами. Но футбол не в счет.

— Говорят, Святослав Рихтер, гастролируя по России, порой играл на таких разбитых роялях, что из них приходилось выковыривать западавшие клавиши. Вам в России тоже приходится играть в экстремальных условиях?

— Бывает. Знаете, фирма «Yamaha», «лицом» которой раньше был Рихтер, передала эстафету мне. Началось все с того, что я играл на рояле «Yamaha», когда выиграл конкурс Чайковского. С тех пор везде за границей я играю на своем рояле, который переезжает со мной по всему миру в сопровождении двух настройщиков. Один рояль — для Америки, другой — для Европы, третий — для Азии, четвертый — дома. Пожалуй, ни у кого из музыкантов нет такой возможности. В России организовать транспортировку рояля слишком сложно, поэтому играю на инструментах разного качества.

— Есть ли у вас любимый концертный зал?

— Зал номер один — Большой зал Московской консерва-

тории. Я играл и в Карнеги-холле, и в Альберт-холле, выступал в Японии, в Париже — такого зала нет нигде. Надо молиться, чтобы во время реконструкции после следующего конкурса Чайковского его не испортили. Акустика, атмосфера, запах этого зала неповторимы.

— Как вы считаете, виртуозность и эмоциональность, безукоризненность и артистизм совместимы?

— Все взаимосвязано. Если думать только о том, как бы не зацепить лишние ноты, это сразу отразится на артистизме. Главное — достичь образа, а каким способом — виртуозностью, эмоциональностью — дело каждого артиста. Можно быть очень скупым на внешние проявления, но публика будет плакать. Я в принципе никогда не волнуюсь. Считается, что когда исчезает волнение, заканчивается искусство. Я не согласен. Во мне все кипит, я стремлюсь к своей любимой публике, хочу быстрее выбежать на сцену и начать играть. На конкурсе Чайковского многие проиграли именно из-за того, что не справились с нервами.

— Как вам, человеку с железными нервами, далась победа на конкурсе Чайковского? Можно ли в музыке побеждать, как в спорте?

— Победить на конкурсе было моей мечтой еще с детства, с Иркутска. На конкурсе Чайковского сложилась неопишущая атмосфера. И я, несмотря на зеленое сукно стола жюри, рвался на сцену с особым кайфом. Параллельно смотрел чемпионат мира по футболу. Мой профессор Сергей Леонидович Доренский звонил между турами, и мы обсуждали результаты матчей, что тоже помогло. Если бы я занимался по 12 часов и слушал всех участников, это бы только помешало.

Я не сторонник конкурсов. Безусловно, баллы здесь неуместны. С другой стороны, без конкурсов карьера музыканта не складывается. Победа — один из наиболее убедительных способов выйти на мировой уровень.

После конкурса Чайковского жизнь моя круто изменилась, и с каждым годом круг знакомств расширяется. Трудно выделить кого бы то ни было. Знакомство с Владимиром Теодоровичем Спиваковым переросло в необыкновенный контакт и с ним, и Российским национальным оркестром. Этот человек удивительно талантлив во всех ипостасях. Он достиг невероятного прогресса как дирижер, и оркестр с ним чрезвычайно вырос. И с Марком Горенштейном и его оркестром «Молодая Россия» у нас редкий личный контакт.

— Каков график ваших перемещений?

Сегодня у Дениса — сольный концерт в Большом зале консерватории

— Сегодня — Австралия, завтра — Бразилия. Но я научился преодолевать расстояния. Ничего, нормально: 12 часов перелет, потом репетиция, запись. Бывает, приснится, что стою на сцене и должен играть концерт, ноты которого не видел никогда в жизни. Просыпаюсь в ужасе и думаю: «Слава Богу».

— Часто ли вам приходится играть один и тот же репертуар?

— Сейчас после американских гастролей я не сыграю Первый концерт Чайковского и за миллион долларов. В ближайший месяц — уж точно. 25 раз подряд исполнять даже гениальнейшую музыку тяжело. Я стараюсь не играть на автомате известные произведения. Хотя все импресарио заказывают одни и те же концерты. Приезжая куда-либо не в первый раз, стараюсь не повторять программу. Делать перерывы, чтобы накопить эмоции, не могу — я должен постоянно находиться на сцене.

— У профессора Доренского собралось созвездие удивительных молодых учеников — Николай Луганский, Вадим Руденко, вы. Концерт его класса — фейерверк.

— В мире существует мнение, что русская пианистическая школа умирает. Но это не так. Можно судить хотя бы по победам на международных конкурсах. В XXI век мы входим не аутсайдерами. Многие музыканты уехали, старшее поколение уходит. Но у нас есть смена и есть прекрасные

учителя. Я учусь в аспирантуре. Наши отношения с Сергеем Леонидовичем складываются в духе старых традиций общения профессора с учениками: собираемся всем классом, играем, хохмим.

— Вы любите путешествовать?

— Обожаю. На гастролях график очень плотный, но я всегда нахожу время, чтобы осмотреться. На мою игру все увиденное очень влияет. Собор Парижской богоматери, Пизанская башня, Вестминстерское аббатство, Колизей, Акрополь не могут не потрясти. Нью-Йорк, хоть из стекла и бетона, производит неизгладимое впечатление. Приехать, дать концерт, пройтись по джаз-клубам, расслабиться. В Оверн, под Парижем, я люблю возвращаться. Там жил и умер Ван Гог, это изумительное место для музыкального фестиваля. Но я категорически отвергаю предложения остаться жить. Я люблю свою страну и Иркутск. У нас потрясающий красавец-театр с удивительной акустикой. Бывая на Байкале, я ощущаю его силу каждый день. У меня есть яхта, и мы с друзьями ходим на рыбалку на омуля. Когда встаешь утром и видишь дно на километровой глубине самого чистого в мире озера, это невероятно. Я заряжаюсь там каждый год. У меня есть мысль сделать там фестиваль. Со следующего года я собираюсь осуществить эту идею, поддержка уже есть. Приезжайте.